

·the big book·

ΔΙΗ
ΚΥΗΛΙ

КРАЕМ ГЛАЗА
•
ИССТУПЛЕНИЕ
СКОРОСТЬ
•
ТИХИЙ УГОЛОК
•
ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА
•
ФАНТОМЫ
•
КОМНАТА ШЕПОТОВ
•
НЕХОРОШЕЕ МЕСТО
•
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ
•
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ
•
ПОЛНОЧЬ
•
АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

ДИН КУНЦ

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 91

Dean Koontz
WATCHERS
Copyright © 1987 by Nkui, Inc.
This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16511-3

© О. Э. Александрова, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга посвящается Леннарту Сейну,
который не только лучший в своем деле,
но и отличный парень,
а также Элизабет Сейн,
такой же милой, как и ее муж*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАСКАЛЫВАЯ
ПРОШЛОЕ

Прошлое — это начало начал. Все, что есть, и все, что было, не более чем предзвездные сумерки.

Г. Дж. Уэллс

Встреча двух личностей подобна контакту двух химических веществ: если есть хоть малейшая реакция, изменяются оба элемента.

К. Г. Юнг

Глава 1

1

Восемнадцатого мая, в свой тридцать шестой день рождения, Трэвис Корнелл поднялся в пять утра. Надел тяжелые походные ботинки, джинсы и синюю клетчатую рубашку с длинным рукавом. Сел за руль красного пикапа и поехал от своего дома в Санта-Барбаре в сторону поселка Сантьяго-Каньон, расположенного на востоке округа Ориндж, к югу от Лос-Анджелеса. С собой Трэвис взял лишь печенье «Орео», большую флягу апельсинового «Кул-эйда» и полностью заряженный «смит-вессон» 38-го калибра модели «Чифс-спешиап».

За все два с половиной часа пути Трэвис ни разу не включил радио. Он не мурлыкал себе под нос, не свистел и не напевал, как частенько делают мужчины, находясь в одиночестве. По правую руку раскинулся Тихий океан. Тяжелый и холодный, точно сланец, океан угрюмо чернел у горизонта, но ближе к берегу первые лучи солнца уже успели окрасить его золотом одноцентовиков и палевым розовых лепестков. Однако Трэвис даже не потрудился взглянуть на позолоченную солнцем воду.

У Трэвиса, худощавого, жилистого мужчины с глубоко посаженными карими, под цвет волос, глазами, было узкое лицо с римским профилем, высокие скулы и слегка выступающий подбородок. Такое аскетичное лицо скорее подошло бы монаху из какого-нибудь святого ордена, где до сих пор верят, что самобичевание очищает душу через страдание. И, Господь свидетель, за свою жизнь Трэвис действительно настрадался. Однако его лицо могло быть и располагающим, открытым и теплым. В свое время улыбка Трэвиса очаровывала женщин, но не сейчас. Он уже давно не улыбался.

«Орео», фляга и револьвер лежали в зеленом нейлоновом рюкзаке с черными лямками, брошенном на переднее сиденье. Время от времени Трэвис поглядывал на рюкзак, словно мог разглядеть через ткань заряженный «Чифс-спешал».

Трэвис свернул с шоссе, ведущего в Сантьяго-Каньон, округ Ориндж, на узкую дорогу, затем — на ухабистый проселок. И вот уже в восемь тридцать плюс несколько минут он припарковал пикап на стоянке под колючими ветвями пихты Дугласа.

Набросив на плечи лямки рюкзака, Трэвис направился к подножию гор Санта-Ана. Он с детских лет знал здесь каждый склон, каждую складку, каждое ущелье, каждый хребет. У отца Трэвиса была каменная хижина в верхней части каньона Святого Джима, возможно самого удаленного из всех населенных каньонов, и в детстве Трэвис неделями изучал дику природы в радиусе многих миль от хижины.

Он любил эти дикие каньоны. Во времена его юности черные медведи бродили по окрестным лесам. Теперь медведи исчезли, хотя чернохвостые олени пока еще водились, правда, уже не в таком изобилии, как двадцать лет назад. Но прекрасные горные складки и впадины, пышная и разнообразная растительность, в частности кусты и деревья, остались неизменными, по крайней мере, так показалось Трэвису, пока он неумоимо шел под сенью калифорнийских дубов и платанов.

Время от времени на пути попадались одинокие хижины или скопления горных домиков. Редкие местные жители были робкими сурвайвалистами, верившими в приближение конца цивилизации, но не решавшимися переехать в еще более заповедные места. Многие из них, самые обычные люди, смертельно устали от суеты современной жизни и теперь отлично обходились без водопровода и электричества.

Но хотя каньоны считались местами отдаленными и труднодоступными, рано или поздно им суждено было быть оккупированными неуклонно надвигавшимися окраинами. Ведь население округов Ориндж и Лос-Анджелес, расположенных в радиусе ста миль, уже составляло почти десять миллионов человек, и рост его численности не подлежал сомнению.

Но сейчас безжалостный хрустальный свет словно дождем омывал эту дикую местность, казавшуюся удивительно чистой и первозданной.

На голом горном хребте с жухлой травой, успевшей вырасти в короткий сезон дождей, Трэвис нашел широкий плоский валун и скинул рюкзак.

В пятидесяти футах от Трэвиса на другом плоском камне грелась на солнце гремучая змея. Она подняла свою мерзкую клиновидную голову и уставилась на Трэвиса.

Мальчишкой Трэвис убил в этих горах несметное число гремучников. Достав из рюкзака револьвер, он встал с каменной скамьи. Сделал несколько шагов в сторону змеи.

Гремучник поднялся на хвосте и пристальнее уставился на Трэвиса.

Трэвис сделал еще один шаг и принял нужное для стрельбы положение, обеими руками сжав револьвер.

Гремучник начал свиваться кольцами. Однако вскоре он поймет, что сделать бросок на таком расстоянии нереально, и попытается отступить.

Абсолютно уверенный, что попадет в цель, Трэвис, к своему удивлению, неожиданно понял, что не может нажать на спусковой крючок. Ведь он приехал к подножию этих гор не только вспомнить времена, когда ему было приятно ощущать себя живым, но и пострелять по змеям, если хоть одна попадется на пути. Страдавший в последнее время от глубокой депрессии, озлобленный вечным одиночеством и отсутствием смысла жизни, Трэвис был словно туго натянутая струна. Ему необходимо было совершить какое-то агрессивное действие, и убийство нескольких змей — право слово, небольшая потеря — казалось идеальным средством выпустить пар. Однако, глядя на гремучника, Трэвис вдруг понял, что существование этой рептилии куда менее бессмысленно, нежели его собственное: она занимала свою экологическую нишу и наверняка получала большее удовольствие от жизни, чем он сам в последнее время. Трэвиса затрясло, дуло отклонилось от цели, и он не смог пробудить в себе желания выстрелить. Трэвис оказался никудышным палачом, а потому, опустив револьвер, вернулся к валуну, на котором оставил рюкзак.

Змея была явно настроена миролюбиво: она снова опустила голову на камень и застыла.

Тем временем Трэвис вскрыл упаковку «Орео». В детстве он обожал его. Но за последние пятнадцать лет не съел ни одного печеньица. Печенье оказалось почти таким же, как Трэвису запомнилось с детства. Он глотнул из фляги «Кул-Эйда», однако напиток его разочаровал, оказавшись слишком сладким на вкус взрослого человека.

Можно воскресить в памяти невинность, энтузиазм, радость и ненасытность юности, но, увы, все это невозможно вернуть, подумал Трэвис.

Оставив гремучника греться на солнце, Трэвис снова закинул рюкзак на плечо и начал спуск в тени деревьев по южному склону горного хребта в сторону верхней части каньона. Воздух был напоен свежестью молодых побегов вечнозеленой растительности. Там, где дно каньона спускалось вниз в западном направлении, Трэвис свернул в глубоком мраке на запад и пошел по оленьей тропе.

Несколько минут спустя, пройдя под сомкнутыми наподобие арки ветвями двух калифорнийских платанов, Трэвис оказался в том месте, где солнечный свет просачивался сквозь брешь в листве. Оленья тропа на дальнем конце поляны вела в другую часть леса, где ели, лавры и платаны росли еще плотнее. Тропа впереди круто обрывалась — каньон пытался нащупать дно. Трэвис остановился на краю солнечного круга, так что носки ботинок оставались в тени, и посмотрел на крутой спуск, окутанный непроглядной тьмой.

Трэвис собрался было продолжить путь, но тут справа из засохшего кустарника выскочила какая-то собака и, громко пыхтя, побежала прямо к Трэвису. Это был золотистый ретривер, на первый взгляд явно породистый. Кобель. Очевидно, псу было чуть больше года: он уже практически достиг нужных размеров, сохранив при этом игривость щенка. В его густой шерсти, грязной, мокрой и свалывшейся, застряли репейники и листья. Остановившись перед Трэвисом, пес сел, наклонил голову и бросил на него заискивающий дружелюбный взгляд.

Несмотря на замызганный вид, собака обладала какой-то странной притягательностью. Трэвис наклонился, погладил ее по голове и почесал за ушами.

Трэвис ожидал, что из кустов вот-вот появится хозяин ретривера, запыхавшийся и сердитый. Но никто не вышел. Тогда Трэвис решил проверить, на месте ли ошейник с жетоном, но ошейника не было.

— Ведь ты наверняка не бродячая собака. Не так ли, малыш?

Ретривер фыркнул.

— Нет, ты слишком дружелюбный для бродячей собаки. Ты потерялся, да?

Пес ткнулся носом в руку Трэвиса.

Трэвис заметил, что у собаки не только вся шерсть в колтунах, но и правое ухо в засохшей крови. Следы свежей крови виднелись на передних лапах, словно ретривер так долго бежал по пересеченной местности, что треснули подушечки лап.

— Похоже, ты проделал тяжелый путь, малыш.

В ответ ретривер тихонько заскулил, будто соглашаясь с Трэвисом.

Он продолжил гладить ретривера по спине и почесывать за ушами, но через минуту-другую понял, что ждет от пса нечто такого, чего тот никак не мог ему дать: смысла и цели в жизни, избавления от отчаяния.

— Ну а теперь беги. — Легонько хлопнув ретривера по спине, Трэвис поднялся и потянулся.

Собака осталась стоять перед ним.

Тогда Трэвис обошел пса и направился в сторону опускающейся в темноту узкой тропы.

Однако собака обежала Трэвиса и преградила ему дорогу.

— Беги, малыш!

Ретривер оскалился и утробно зарычал.

Трэвис нахмурился:

— Беги! Хороший пес.

Но обойти ретривера так и не удалось: тот снова зарычал и начал хватать Трэвиса за ноги.

— Эй! — Трэвис отскочил на два шага назад. — Какая муха тебя укусила?!

Ретривер перестал рычать, но остался стоять, тяжело дыша.

Трэвис снова попробовал пройти вперед, но пес набросился на него еще яростнее. Он по-прежнему не лаял, а лишь глухо рычал и хватал за ноги, загоня назад на поляну. Трэвис сделал восемь-десять неловких шагов по скользкому ковру из сухих еловых веток и сосновых иголок, споткнулся и шлепнулся на задницу.

Как только Трэвис оказался на земле, пес тотчас же отстал. Он подбежал к краю крутого спуска, напряженно вглядываясь в темноту. Его висячие уши наострились и чуть-чуть поднялись.

— Проклятая собака! — воскликнул Трэвис, но пес не обратил на эти слова никакого внимания. — Какого черта ты ко мне привязалась, мерзкая шавка?!

Но ретривер, оставаясь в тени деревьев, продолжал всматриваться в уходящую вниз оленью тропу, в черноту лесистого дна каньона. Опущенный хвост был зажат между задними лапами.

Трэвис подобрал с земли пригоршню мелких камешков, выпрямился и запустил одним из них в ретривера. Собака, несмотря на болезненный удар, даже не взвизгнула, а только резко развернулась.

Ну вот, я добился своего, подумал Трэвис. Теперь он вцепится мне в горло.

Пес бросил на Трэвиса осуждающий взгляд и продолжил блокировать оленью тропу.

Что-то в поведении этого ободранного пса — возможно, взгляд широко расставленных темных глаз, а возможно, наклон квадратной головы — заставило Трэвиса почувствовать укол совести за то, что он пустил в ход камень. Чертова псина явно разочаровалась в нем, и Трэвису вдруг стало стыдно.

— Эй, послушай, — сказал он, — ты первый начал!

Но собака лишь внимательно посмотрела на него.

Трэвис выронил оставшиеся камни.

Ретривер проводил взглядом брошенные за ненадобностью метательные снаряды, затем снова поднял на Трэвиса глаза,

и Трэвис мог поклясться, что прочел явное одобрение на морде собаки.

Конечно, можно было повернуть назад. Или найти другой спуск в каньон. Но Трэвиса охватила иррациональная решимость во что бы то ни стало прорваться вперед, пойти именно туда, куда он хотел пойти, черт побери! Из всех дней именно сегодня он не потерпит никаких преград и его не остановит такая ерунда, как вставшая на пути собака.

Трэвис в очередной раз встал, ссутулил плечи, чтобы надеть рюкзак, и, вдохнув полной грудью смолистый воздух, отважно пошел через поляну.

Пес снова зарычал: тихо, но угрожающе. И снова оскалил зубы.

С каждым шагом решимость Трэвиса мало-помалу таяла, и, оказавшись в нескольких футах от ретривера, он выбрал другой подход. Он остановился, покачал головой и мягко пожурил пса:

— Плохая собака. Ты очень плохая собака. Ты это знаешь? Что на тебя нашло? А? Непохоже, что ты таким уродился. С виду ты очень хорошая собака.

И пока Трэвис увещевал пса, тот, перестав рычать, неуверенно вильнул разок-другой пушистым хвостом.

— Хороший мальчик, — произнес Трэвис заискивающе, очень вкрадчиво. — Вот так-то лучше. Мы с тобой можем стать друзьями, а?

Ретривер примирительно заскулил. Этим хорошо знакомым трогательным звуком собаки выражают свое естественное желание быть любимыми.

— Видишь, у нас с тобой явный прогресс. — Сделав еще один шаг в сторону собаки, Трэвис собрался было нагнуться, чтобы ее погладить.

Пес тотчас же с грозным рычанием прыгнул на Трэвиса, отгоняя его вглубь поляны. Вцепившись зубами в штанину Трэвиса, ретривер яростно замотал головой. Трэвис попытался пнуть собаку ногой. Промахнулся и потерял равновесие. Тем временем пес вцепился во вторую штанину и обежал Трэвиса кругом, таща его за собой. Трэвис начал отчаянно под-

прыгивать, чтобы не отстать от противника, но не удержался и снова шлепнулся на землю.

— Вот дерьмо! — Он чувствовал себя ужасно глупо.

Собака заскулила, явно демонстрируя дружелюбный настрой, и лизнула Трэвиса в руку.

— Нет, ну надо же быть таким придурком! — вздохнул Трэвис.

Ретривер вернулся к краю поляны. И остался стоять спиной к Трэвису, уставившись на оленью тропу, уходившую вниз, в прохладную тень деревьев. Внезапно пес пригнул голову и сгорбился. Мышцы на спине и ляжках напряглись, словно он приготовился дать деру.

— На что ты смотришь? — До Трэвиса внезапно дошло, что пса гипнотизирует не сама оленья тропа, а что-то на тропе. Он встал с земли и спросил, обращаясь к самому себе: — Горный лев?

Во времена его юности в этих лесах водились горные львы, в частности пумы. Так что вполне вероятно, где-нибудь поблизости по-прежнему рыщут представители семейства кошачьих.

Ретривер зарычал, на этот раз не на Трэвиса, а на что-то, привлечшее его внимание. Звук был низким, едва слышным, и Трэвису показалось, что собака одновременно и сердита, и напугана.

Койоты? В предгорьях их было полным-полно. Стая голодных койотов способна насторожить даже такое сильное животное, как этот золотистый ретривер.

Испуганно тьякнув, пес отскочил от затененной оленьей тропы. Затем бросился к Трэвису, пулей пролетев мимо него в сторону деревьев, и Трэвис решил, что ретривер исчезнет в лесу. Но нет. Остановившись под аркой из ветвей двух платанов, из-под которой Трэвис вышел несколько минут назад, пес выжидающе смотрел на мужчину. Затем с озабоченным видом подскочил к нему, стремительно обежал его, вцепился в штанину и попытался, пытаясь утащить за собой.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — сказал Трэвис. — Твоя взяла.

Ретривер разжал зубы. И отрывисто тьякнул — звук, скорее напоминавший тяжелый вздох, нежели лай.

Совершенно очевидно — и это было самым удивительным, — собака намеренно не пускала Трэвиса на темную полосу оленьей тропы, где явно что-то такое было. Нечто опасное. И теперь собака предлагала Трэвису уносить отсюда ноги, поскольку опасное существо приближалось.

Что-то приближалось. Но что?

Трэвис нимало не обеспокоился. Ему стало просто интересно. Что бы там ни было, это могло напугать собаку, однако ни одно обитающее в здешних горах животное, пусть даже койот или пума, не станет нападать на взрослого мужчину.

Нетерпеливо поскуливая, ретривер снова попытался ухватить зубами штанину Трэвиса.

Ретривер вел себя необычно. Если он до смерти напуган, тогда почему не убегает, бросив Трэвиса? Ведь Трэвис не был его хозяином, и пес вовсе не обязан был любить и защищать его. У бродячих собак нет чувства долга по отношению к незнакомцам, у них нет ни совести, ни моральной ответственности. Интересно, что этот пес о себе возомнил: что он — внештатный помощник Лэсси?

— Хорошо-хорошо. — Страхнув с себя ретривера, Трэвис последовал за ним к арке из ветвей платана.

Собака бросилась вперед, вверх по тропе, ведущей к внешнему краю каньона, навстречу яркому свету и расступившемуся лесу.

Трэвис замешкался возле платанов. Нахмурившись, он окинул взглядом солнечную поляну и черную дыру между деревьями, где тропа круто уходила вниз. Так кто же должен был оттуда появиться?

Пронзительный стрекот цикад внезапно оборвался, будто кто-то резко поднял иглу граммофона. В лесу стало неестественно тихо.

А затем Трэвис услышал, как что-то несется вверх по темной тропе. Странный скребущий звук. Грохот осыпающихся камней. Шелест сухих кустов. Казалось, существо это было ближе, чем на самом деле, поскольку звуки эхом разносились в узком проходе между деревьями. Так или иначе, существо быстро приближалось. Очень быстро.

И тут впервые за все это время Трэвис почувствовал, что ему грозит серьезная опасность. Он знал, что в здешних лесах нет достаточно крупных и смелых зверей, способных на него напасть, но инстинкт оказался сильнее доводов разума. Сердце тревожно забилося.

Ретривер, уже бежавший вверх по склону каньона, почувал смятение Трэвиса и возбужденно залаял.

Пару десятков лет назад Трэвис наверняка решил бы, что по тропе поднимается разъяренный черный медведь, обезумевший от боли или болезни. Однако обитатели горных хижин и приезжающие на уик-энд туристы — предвестники наступающей цивилизации — оттеснили многих оставшихся здесь медведей в предгорья Санта-Аны.

Судя по нарастающему шуму, неизвестный зверь через несколько секунд должен был достичь поляны между нижней и верхней тропой.

У Трэвиса по спине поползли мурашки, совсем как подтаявшая ледяная крупа по оконному стеклу.

Трэвису хотелось посмотреть на зверя, но внутренности внезапно сжались от страха, чисто инстинктивного страха.

Успевший подняться повыше ретривер отчаянно залаял.

Трэвис повернулся и побежал.

Он был в отличной форме, ни единого лишнего фунта. Ведомый запыхавшимся ретривером, Трэвис помчался вверх по оленьей тропе, подныривая под разлапистые ветви. Шипованные подошвы ботинок для хайкинга обеспечивали хорошее сцепление; Трэвис пару раз поскользнулся на шатавшихся камнях и подстилке из сухих сосновых иголок, но не упал. И пока он бежал сквозь фальшивый огонь, имитируемый игрой света и тени, легкие начали гореть почти настоящим огнем.

На долю Трэвиса Корнелла в свое время выпало немало бед и страданий, однако он, не моргнув глазом, стойко сносил удары судьбы. И в худшие времена он спокойно терпел утраты, боль и страх. Но сейчас произошло нечто особенное. Он потерял контроль. И впервые в жизни запаниковал. В его душу проник страх, затронув примитивные глубины сознания, доселе остававшиеся недоступными. Трэвис бежал со всех

ног, в холодном поту, покрытый мурашками, не понимая, почему неизвестный преследователь наводит на него такой всепоглощающий ужас.

Трэвис не оглядывался. Поначалу он не отрывал глаз от извилистой тропы, чтобы не напороться на ветку. Но по мере продвижения вперед паника только усиливалась, и, преодолев ярдов двести, Трэвис понял, что не оглядывается исключительно из опасения увидеть нечто ужасное.

Конечно, подобная реакция была иррациональной. Покалывание в районе загривка и ледяная пустота в желудке являлись симптомами чисто суеверного страха. Короче говоря, культурный и образованный Трэвис Корнелл слетел с катушек, превратился в испуганного дикаря, который живет в каждом человеческом существе — генетический призрак того, кем мы некогда являлись, — и оказался не в силах вернуть самоконтроль, отлично понимая при этом абсурдность подобного поведения. В Трэвисе возобладал чистый инстинкт, и инстинкт этот говорил, что он должен бежать, бежать, ни о чем не думать и просто бежать.

В верхней части каньона тропа поворачивала налево, прорезая в крутом северном склоне извилистый путь наверх. За поворотом Трэвис увидел лежавшую на тропе собаку, подпрыгнул от неожиданности и, зацепившись ногой за гнилую корягу, упал ничком. Ошеломленный неожиданным падением, он не мог ни вздохнуть, ни охнуть.

Он лежал и ждал, что прямо сейчас кто-то страшный бросится на него и вырвет ему горло.

Ретривер кинулся назад и, перепрыгнув через Трэвиса, уверенно приземлился на тропе за ним. После чего принялся яростно лаять на неизвестного преследователя, причем куда свирепее, чем тогда, когда отгонял Трэвиса от нижней тропы.

Трэвис перевернулся и сел, тяжело дыша. За спиной никого не было. Похоже, опасность подстерегала его с другой стороны. Ретривер стоял, повернувшись к подростку к востоку от них, и громко лаял, брызгая слюной, причем так отчаянно, что каждый пронзительный звук больно бил по ушам. Звучавшая в голосе пса дикая ярость сбивала с толку. Он явно предупреждал невидимого противника, чтобы тот не смел приближаться.

— Успокойся, малыш, — ласково произнес Трэвис. — Успокойся.

Пес прекратил лаять, но даже не обернулся на Трэвиса. Оскалив зубы и утробно рыча, пес не сводил глаз с кустарника.

По-прежнему тяжело дыша, Трэвис, поднялся на ноги и кинул взгляд на восток, в сторону леса. Хвойники, платаны, редкие лиственницы. Тени, точно образцы темной материи, были прикреплены то там, то сям золотыми булавками и иголками солнечного света. Кусты. Шиповник. Плющ. Похожие на гнилые зубы выветренные скалы. Вроде бы ничего необычного.

Трэвис положил руку на голову пса. Тот перестал рычать, как будто прочитав мысли человека. Трэвис сделал глубокий вдох, задержал дыхание и прислушался к шороху в кустах.

Цикады по-прежнему молчали. Птицы в ветвях не чиркали. Лес затих, словно мудреный часовой механизм Вселенной вдруг вышел из строя.

И причина внезапно накрывшей лес тишины определенно не в нем, Трэвисе. Ведь когда он спустился в каньон, это не насторожило ни птиц, ни цикад.

Нет, там явно кто-то был. Незванный гость, появление которого лесные жители явно не одобряли.

Пытаясь уловить малейшие признаки движения в лесу, Трэвис замер и на этот раз услышал треск кустов, щелчок отскочившей ветки, тихий хруст сухих листьев — и до ужаса отчетливый звук тяжелого прерывистого дыхания какого-то очень крупного существа. Похоже, существо находилось в футах сорока отсюда, но непонятно, где именно.

Ретривер снова напрягся. Висячие уши слегка приподнялись, выступив вперед.

Хриплое дыхание неизвестного противника казалось настолько жутким — возможно, из-за раскатистого эха в поросшем лесом каньоне, а возможно, оно и впрямь было жутким, — что Трэвис поспешно снял рюкзак и достал заряженный «смит-вессон».

Собака уставилась на револьвер. У Трэвиса вдруг возникло странное ощущение, что она знает, для чего нужен револьвер, и одобряет выбор оружия.

У Трэвиса мелькнула мысль, что там, в лесу, возможно, не зверь, а человеческое существо.

— Кто там?! Выходи и встань так, чтобы я мог тебя видеть! — крикнул Трэвис.

Хрипкое дыхание в кустах сменилось сиплым злобным рычанием, пробившим Трэвиса, словно электрическим током. У Трэвиса вдруг сильно заколотилось сердце, и он сразу напрягся — так же как и стоявшая рядом собака. Несколько мучительно долгих секунд Трэвис пытался определить, почему производимые неизвестным существом звуки посылают столь мощный заряд страха. И неожиданно понял, что пугала именно неясная природа патологических звуков: животное рычание, несомненно, принадлежало зверю... и все же было в этом нечто такое, что говорило о явном присутствии интеллекта: тон и модуляции голоса разъяренного мужчины. И чем дольше Трэвис прислушивался, тем больше убеждался в том, что, строго говоря, подобные звуки не характерны ни для человека, ни для животного. А если так... то что, черт возьми, это было?!

Трэвис увидел, как закачался высокий кустарник. Где-то впереди. Существо направлялась напрямиком к Трэвису.

— Стой! — приказал Трэвис. — Не приближайся!

Существо продолжало идти.

Теперь их разделяло ярдov тридцать, не больше.

Правда, теперь оно шло чуть медленнее. Быть может, чуть осторожнее. И тем не менее неуклонно приближалось.

Золотистый ретривер угрожающе зарычал, в очередной раз отгоняя преследователя. Судя по сотрясавшей тело пса крупной дрожи, предстоящая схватка его явно страшила.

И это лишило Трэвиса остатков мужества. Ведь ретриверы славились своей смелостью и отвагой. Их специально разводили как охотничьих собак, зачастую используя в рискованных спасательных операциях. Какая опасность и какой противник могли настолько испугать такого сильного, гордого пса?

Тем временем существо в кустах упрямо шло вперед и теперь находилось всего в двадцати футах от них.

И хотя Трэвис пока не увидел ничего необычного, в его душе поселился суеверный страх: стойкое ощущение, что он столкнулся с непонятым, но явно сверхъестественным яв-

нием. Трэвис продолжал уговаривать себя, что он наткнулся на кугуара, что это всего-навсего кугуар, который, возможно, даже больше напуган, чем он сам. Однако ползущее вверх ледяное покалывание в основании позвоночника определенно усилилось. А рука настолько взмокла от пота, что револьвер, казалось, вот-вот выскользнет из ладони.

Пятнадцать футов.

Трэвис сделал предупредительный выстрел в воздух. Звук выстрела разорвал тишину леса и эхом разнесся по длинному каньону.

Ретривер даже глазом не моргнул, однако существо в кустах тотчас же развернулось и побежало вверх по северному склону в сторону внешнего края каньона. Трэвису так и не удалось увидеть противника, но, судя по раздвигавшимся под мощным напором кустам и бурьяну, тот несся на бешеной скорости.

На секунду-другую Трэвис почувствовал облегчение. Похоже, ему удалось отпугнуть странное существо. Но тут до Трэвиса дошло: оно отнюдь не убегает, а направляется в сторону поворота, чтобы оказаться на оленьей тропе над ними. Отрезав им путь наверх, существо явно пыталось заставить их выбираться из каньона нижней дорогой, где было больше возможностей для внезапной атаки. Трэвис и сам толком не знал, с чего он это взял, но интуиция подсказывала, что все именно так и есть.

Первобытный инстинкт выживания заставлял Трэвиса действовать, не задумываясь о последствиях: он автоматически делал то, что требовала ситуация. Последний раз такая животная уверенность возникла у него лет десять назад в ходе военной операции.

Стараясь держать в поле зрения характерное покачивание кустарника справа от себя, Трэвис бросил рюкзак и, с револьвером в руках, помчался вверх по крутой тропе. Ретривер кинулся следом. Трэвис несся изо всех сил, но все же недостаточно быстро, чтобы обогнать неизвестного противника. Поняв, что существо вот-вот достигнет тропы над ними, Трэвис произвел очередной предупредительный выстрел, однако это не испугало противника и не заставило его изменить курс. Тогда Трэвис дважды выстрелил в колышущийся кустарник,

уже не заботясь о том, что их противником может быть человек, и это сработало. Трэвис не верил, что попал в преследователя, но, похоже, сумел его отпугнуть и тот повернул назад.

Трэвис продолжал бежать. Ему не терпелось поскорее достичь верхней части каньона с чахлыми деревьями и редкими кустами, где солнечный свет разгонял предательские тени.

Когда пару минут спустя Трэвис достиг вершины, то окончательно обессилел. Икроножные мышцы и бедра горели огнем. А сердце так сильно стучало в груди, что казалось, еще немного — и стук этот отразится от другого хребта и эхом вернется через каньон.

И тогда Трэвис решил остановиться и съесть немного печенья. Гремучая змея, гревшаяся на большом плоском камне, исчезла.

Золотистый ретривер последовал за Трэвисом. Пес остановился возле него и, тяжело дыша, смотрел на дно каньона, на склон которого они только что поднялись.

У Трэвиса кружилась голова, ему хотелось спокойно сесть и передохнуть, но он знал: с любой стороны его по-прежнему могла подстергать опасность. Он посмотрел вниз на тропу, обшарив взглядом окрестный подлесок. Если преследователь не отказался от своих планов, то будет вести себя более осмотрительно и заберется на склон, стараясь не потревожить кусты.

Ретривер заскулил и потянул Трэвиса за штанину. После чего стремглав пересек узкий хребет, остановившись на склоне, по которому можно было спуститься в следующий каньон. Собака явно не верила, что опасность миновала, и не желала оставаться на месте.

Трэвис разделял ее тревогу. Атавистический страх и разбуженные им инстинкты вынудили Трэвиса следовать за ретривером в дальний конец хребта, а оттуда — в другой лесистый каньон.

2

Винсент Наско уже много часов ждал в темном гараже, хотя и не относился к числу тех, кто умеет терпеливо ждать. Он был крупным мужчиной весом более двухсот фунтов, ростом

шесть футов три дюйма, с хорошо развитой мускулатурой. В нем скопилось столько кипучей энергии, что, похоже, она в любой момент могла выплеснуться наружу. Его широкое лицо казалось безмятежным и невыразительным, как коровья морда. Однако в горящих зеленых глазах притаились нервная настороженность и странный голод. Такой взгляд характерен для диких животных, например для камышового кота, но не для человека. И подобно камышовому коту, Наско, несмотря на кипучую энергию, был терпелив. Он мог часами подстергать жертву, скрючившись и не шевелясь в абсолютной тишине.

Во вторник, в девять сорок утра, гораздо позже, чем ожидал Наско, взрезной замок на двери между гаражом и домом с резким щелчком открылся, и доктор Дэвис Уэзерби, включив свет в гараже, потянулся к кнопке, открывающей секционные ворота.

— Стой, где стоишь! — приказал Наско, выступив из-за жемчужно-серого «кадиллака».

Уэзерби растерянно заморгал:

— Какого черта вы здесь...

Наско поднял «Вальтер Р-38» с глушителем и выстрелил доктору прямо в лицо.

Ссснан!

Уэзерби, прерванный на середине фразы, повалился навзничь, прямо в веселенькую, желтую с белым, прачечную. Падая, он ударился головой о сушильную машину, толкнув металлическую тележку для белья, отчего та врезалась в стенку.

Винсент Наско не стал беспокоиться из-за шума, ведь Уэзерби был не женат и жил один. Наско склонился над телом, заклинившим дверь в прачечную, и ласково положил руку на лицо доктора.

Пуля попала Уэзерби в лоб, оказавшись в дюйме от переносицы. Крови вытекло совсем немного, поскольку смерть оказалась мгновенной, а пуля — недостаточно мощной, чтобы пробить череп. Карие глаза Уэзерби были изумленно распахнуты.

Винс провел пальцами по теплой щеке Уэзерби, погладил его по шее, закрыл безжизненный левый глаз, потом — правый, хотя знал, что посмертная реакция мышц через пару ми-

нут снова заставит их открыться. И с чувством глубокой благодарности, которая явственно слышалась в его дрожащем голосе, произнес:

— Благодарю. Благодарю вас, доктор. — Он поцеловал покойника в закрытые глаза. — Благодарю вас.

Трепещущий от удовольствия, Винс поднял с пола обретенные покойным ключи от автомобиля, вернулся в гараж и открыл багажник «кадиллака», стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Багажник оказался пустым. Отлично! Наско вынес тело Уэзерби из прачечной, засунул в багажник и запер крышку.

Винсу сказали, что тело доктора не должны обнаружить до следующего утра. Наско не знал, почему время имеет такое значение, но очень гордился безукоризненно выполненной работой. Именно поэтому он вернулся в прачечную, поставил на место железную тележку и оглядел комнату в поисках следов преступления. Удовлетворенный, он закрыл дверь желто-белой комнаты и запер ее ключами Уэзерби.

Наско выключил свет в гараже и направился к боковой двери, через которую вошел ночью, спокойно вскрыв хлипкий замок кредитной картой. Винс открыл дверь ключом доктора и вышел из дома.

Дэвис Уэзерби жил в Корона-дель-Мар, на побережье Тихого океана. Винс оставил свой двухлетний «форд-минивэн» в трех кварталах от дома доктора. Обратная дорога к минивэну была приятной, весьма бодрящей. Чудесный район, демонстрирующий разнообразие архитектурных направлений; дорогие виллы в испанском духе соседствовали с сельскими домами в стиле Кейп-Кода. Все выглядело настолько гармоничным, что казалось нереальным. Пышная ухоженная растительность. Пальмы, фикусы, оливковые деревья затеняли боковые дорожки. Красные, коралловые, желтые бугенвиллеи ослепляли тысячью ярких соцветий. Миртовые деревья были в цвету. Ветви жакаранды сгибались под тяжестью собранных в кисти кружевных сиреневых лепестков. Воздух был напоен ароматом жасмина. Винсент Наско чувствовал себя замечательно. Таким сильным, таким могущественным, таким живым.

Кунц Д.

К 91 Ангелы-хранители : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. О. Александровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-16511-3

В свой тридцать шестой день рождения Трэвис Корнелл отправляется в горы Санта-Ана. Но вскоре путь ему преграждает грязный, мокрый золотистый ретривер, который не позволяет ему идти дальше.

В то утро Трэвис отчаянно пытался отыскать хоть крупинку счастья в своей одинокой, казалось бы, проклятой, никому не нужной жизни. И вот он встречает собаку, наделенную разумом, и благодаря ей вскоре находит свою любовь и одновременно оказывается в центре событий, связанных с самым темным созданием, которое когда-либо породило человеческое безумие...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.09.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-KBB-24959-01-R